

Рента, налоги и политическая партиципация: долгосрочные эффекты городской автономии в новых исследованиях по экономике развития Статья 2

*В.В. АРСЛАНОВ**

*АРСЛАНОВ Василий Викторович – PhD, старший научный сотрудник Института экономики РАН. Адрес: Москва, 117218, Нахимовский пр., 32. E-mail: arslanov@gmail.com

В статье (часть 1 см. №2, 2020 “ОНС”) продолжается обзор современной экономической литературы, анализирующей связь эффективного государственного управления и фискальной дееспособности государства с традицией парламентского контроля над исполнительной властью. В рамках дискуссии о “малом расхождении” между Северо-Западной Европой и другими частями континента указывается на важность опыта североитальянских морских городов, которые создали систему государственного долга, аналогичную модели государственных финансов Англии и Голландии и коррелировавшую как с экономическим ростом, так и с сильным парламентом. Делается вывод о растущем внимании экономистов к политическим аспектам системы государственных финансов как ключевому фактору дееспособности государства.

Ключевые слова: развитие, качество управления, рост, дееспособность государства, государственный долг, политическая централизация, городская автономия, модернизация.

DOI: 10.31857/S086904990010076-5

JEL: H63, H71, N13, F63, O57, P52

Цитирование: Арсланов В.В. (2020) Рента, налоги и политическая партиципация: долгосрочные эффекты городской автономии в новых исследованиях по экономике развития. Статья 2 // Общественные науки и современность. № 3. С. 155–165. DOI: 10.31857/S086904990010076-5

Rent, Taxes, and Political Participation: Long-Term Effects of Urban Autonomy in Recent Studies in Development Economics. Article 2

*Vasily V. ARSLANOV**

*Vasily V. Arslanov — PhD, senior research fellow of Institute of Economics, Russian Academy of Sciences. Address: 32 Nakhimovsky av., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: arslanov@gmail.com

Abstract. The article (for Part 1 see ONS 2020, no. 2) presents a review of modern economic literature on the link between effective public administration, fiscal capacity and the tradition of parliamentary constraint on the executive. The article suggests an extension of the scope of the debate on the “Little Divergence” between North-Western Europe and the rest of the continent to include the North Italian maritime republics that built a system of government debt resembling public debt systems in England and the Dutch republic and correlating with both economic growth and strong parliament. Summing up recent economic research the article highlights an increasing interest in political aspects of public finance as a key factor of state capacity.

Keywords: development, good governance, growth, state capacity, public debt, political centralization, urban autonomy, modernization.

DOI: 10.31857/S086904990010076-5

JEL: H63, H71, N13, F63, O57, P52

Citation: Arslanov V. (2020) Rent, Taxes, and Political Participation: Long-Term Effects of Urban Autonomy in Recent Studies in Development Economics. Article 2. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 155–165. DOI: 10.31857/S086904990010076-5 (In Russ.)

Налоги и парламентский контроль

В новых исследованиях по институциональной экономике и экономике развития все больше внимания уделяется попыткам определить, существует ли связь между дееспособностью государства, главным образом фискальной, и устойчивым экономическим ростом, основанным на инвестициях в технологии [Dincecco, Katz 2016]. В ходе дискуссии о причинах промышленной революции и “малом расхождении” между Северо-Западной Европой и остальной частью континента этот вопрос конкретизируется: если допустить стимулирующее воздействие дееспособности государства на экономический рост, то логично уточнить: что влияет на эффективность государства наиболее существенно – централизованная бюрократическая система или парламентский контроль за сбором и распределением налогов?

В литературе на этот счет не выработалось единого мнения. Возможно, это объясняется недостаточной эмпирической базой исследований. Сама концепция “малого расхождения” ограничивает экономистов двумя странами, которые развивались наиболее динамично в течение двух веков, предшествовавших промышленной революции, – Англией и Нидерландами [van Zanden 2001; van Zanden, Prak 2009]. Однако в Англии политическая централизация началась раньше, чем в других европейских странах и предшествовала развитию законодательной ветви власти [Brewer 1989, p. 3], а в Нидерландах парламентский контроль утвердился до централизации. Включение в сравнительный анализ других, отставших от лидеров ранней индустриализации, стран, например Испании, также не вносит ясности, так как объяснение упадка Испании в XVII–XVIII вв. преимущественно институциональными причинами преуменьшает влияние таких факторов, как большая доля неналоговых доходов (ресурсной ренты и краткосрочного кредита), культурная и административная гетерогенность и сравнительно низкая централизация [Acemoglu, Johnson, Robinson 2005; Drelichman, Voth 2014].

При этом итальянские города-государства, о которых шла речь выше, остаются вне рассмотрения, поскольку сама проблема централизации касается только крупных территориальных государств. Действительно, размер территории считается одним из важных факторов дееспособности государства. Как показали авторы сравнительного исследования налоговых систем Китая и Японии до 1850 г., чем больше размер территории государства, тем ниже (при прочих равных условиях) объем реально собираемых налогов на душу

населения [Sng, Moriguchi 2014]. В этом исследовании анализируется данная корреляция в рамках проблемы принципала и агента, где в роли агента выступают ответственные за сбор налогов местные чиновники. При значительном удалении чиновников от центра власти в автократиях растет вероятность коррупции и рентоориентированного поведения, что в итоге приводит к снижению поступлений в казну. Возможно, высокий уровень коррупции в Испании Раннего Нового времени [Drelichman, Voth 2014, p. 253], снижавший способность государства собирать налоги, был связан с размером ее территории (см. также теоретический анализ отношений между центром и бюрократами на периферии в [Dixit 2010]). Государства в Азии и Европе пытались решать возникавшую в такой ситуации проблему путем создания системы мониторинга, как сверху вниз (с помощью направляемых из центра инспекторов), так и снизу вверх (с помощью жалоб и петиций от рядовых налогоплательщиков).

Тем не менее, на мой взгляд, учесть развитие итальянских автономных городов в рамках дискуссии о факторах дееспособности государства весьма уместно. Ведь, во-первых, этот исторический опыт имеет отношение к вопросу о связи эффективной фискальной системы и экономического роста, а во-вторых, демонстрирует значение *социальной структуры* парламента для понимания конкретных форм его влияния на дееспособность государства.

Если рассматривать налоговую систему средневековых государств, включая свободные города, в рамках модели общественного договора, то обязательства верховной власти в сфере общественных благ можно разделить на две категории. Это обстоятельства, важные для страны в целом (в первую очередь – забота о правопорядке), которые соседствуют с отношениями, соответствующими интересам определенных лиц и социальных групп (принятие определенных законов и др.). С этой точки зрения, значение имеет не только существование парламента, но и продолжительность и периодичность его сессий. Если в территориальных государствах парламента собирались главным образом по инициативе правителей для обсуждения новых налогов и расходов казны, то в городских советах сессии проходили, как правило, регулярно, а члены советов участвовали в формировании политики и принятии конкретных решений гораздо более активно [Stasavage 2011, p. 7]. Соответственно, во втором случае возрастает значение такого параметра представительных учреждений, как их состав, и прежде всего доля полномочных делегатов от торгово-промышленной элиты. В Генуе эффективное функционирование налоговой системы отвечало интересам кредиторов города, дававших долгосрочные ссуды под выплату аннуитетов. Участие в работе городского совета позволяло коммерсантам, часть которых были кредиторами города, влиять на определение целей, под которые выделяются бюджетные средства, и продвигать интересы своих компаний. Таким образом, группы, внедрявшие передовые технологии и бизнес-практики, могли непосредственно воздействовать на экономическую политику, используя в качестве рычагов и кредиты, и лоббирование своих интересов в городском собрании. Отношения генуэзских и венецианских купцов с государством сравнимы с отношениями Ост-Индской компании и английского парламента – в обоих случаях выгода лоббистов сочеталась с экономически эффективной внешней политикой, и оба эти фактора стимулировали друг друга.

Публикации, касающиеся структуры парламента, побуждают вспомнить давнюю дискуссию о том, какому политическому режиму больше соответствовали средневековые города-государства. В новой литературе о причинах и своеобразии политической трансформации североитальянских городов наблюдается тенденция пересмотреть представления о демократичности коммун. Так, Д. Абулафия вслед за С. Эпстайном указывает на практически тотальный контроль над политической жизнью генуэзской коммуны со стороны нескольких патрицианских семей [Abulafia 2011, p. 277]. Д. Стэсвидж отмечает дисбаланс в городских органах представительства в пользу торговой элиты [Stasavage 2007; Stasavage 2016^b].

В пользу тезиса о фактическом контроле коммун торговой элитой говорит эволюция таких наиболее мощных городских республик, как Венеция, Генуя и Милан. К XIV в. политический контроль элиты в этих городах был закреплен, и в итоге политические системы трансформировались либо в династическую монархию (в Милане), либо в аристократию (в Венеции и Генуе). Кроме того, даже если вспомнить о начальном функционировании этих коммун, выборы в представительные органы в них имели мало общего с процедурами выборов в современных европейских государствах. О народном представительстве применительно к итальянским коммунам можно говорить лишь весьма условно. И все же, рассматривая опыт коммунального движения в историческом контексте, трудно удержаться от восхищения самоорганизацией горожан – столь разителен контраст их подхода к решению проблем собственной жизни с укладом, укорененным в соседних феодальных обществах.

На мой взгляд, попытки классифицировать итальянские коммуны как олигархии столь же анахроничны, сколь и поиск в них аналогов современных демократических институтов. Важно учитывать, что коммуны возникают в сословном, феодальном обществе со строгой иерархией: аристократия в Европе XII в. – это феодальная (светская и церковная) и военная знать. Те люди, которые входят в политическую элиту коммун, за редким исключением не принадлежат к высшей страте того общества, членами которого они продолжают оставаться, вступая в отношения, например, с крупными феодалами или с представителями князей и монархов. У жителей ранних коммун был один социальный статус в черте города, другой – за его пределами. Это касается и тех представителей земельной аристократии, которые связали свою карьеру с городской коммуной: они так же, как и другие патриции, должны были делами обосновывать свои претензии на политическое лидерство. “Конверсия” этих статусов – нелинейная, и представитель влиятельного городского клана, с точки зрения потомственного князя, мало чем отличался от простолюдина.

Развитие европейской городской автономии можно условно разделить на два периода: первый знаменуется появлением коммунальной идеи управления и ее победой в борьбе с традиционными центрами власти (1100–1350 гг.), второй – расцветом городских республик за пределами Италии и постепенной их интеграцией в территориальные государства (1350–1600 гг.). Именно со второй половины XIV столетия начинают укореняться управленческие новации: развиваются кредитно-денежные операции между банкирами и монархами, складываются централизованные налоговые системы и государственный административный аппарат. Успех этих процессов был бы невозможен без активной роли горожан, которые стали основными поставщиками капитала, технологий и экспертного знания (в частности, юриспруденции), то есть “кузницей” квалифицированных управленцев [Ertman 2005] (примеры работы социального лифта на государственной службе в Англии и Франции XIII–XIV вв. см. в [Wickham 2016, pp. 152–156]).

В этот период свободные города рассматривались монархами уже не как опасное “чужеродное тело”, а как важнейший актив, который необходимо защищать и поддерживать. А основным средством коммуникации между центральной властью и городом постепенно становится парламент, ключевым фактором развития которого, в свою очередь, было стремление города защитить свою “ограниченную автономию” в составе территориального государства, то есть гарантированную сувереном свободу самоуправления. Наличие в европейских странах при переходе к индустриализации традиции городской автономии и отстаивания городами своих интересов в специальных институтах политической репрезентации – предпосылка доминирования среднего класса и торгово-промышленной элиты при формировании экономической политики, в частности ее курса на защиту местной промышленности.

Отношения между автономными городами и территориальными государствами можно рассматривать как своего рода некооперативную игру с асимметрией сил в пользу го-

сударств и стремлением городов добиться от правителей принятых теми в рамках договоров обязательств (то, что в институциональной теории Д. Норта называется “*credible commitment problem*”, [North, Weingast 1989, p. 824]). Умение быстро создавать коалиции было еще одним фактором успеха североитальянских (XII в.), а также фламандских и немецких (XIV в.) городов в их борьбе за независимость. В итоге именно в этих городах зародилась особая форма организации производства и деловых отношений, которая позднее распространилась по Европе и позволила предпринимателям эффективнее лоббировать свои интересы, – купеческая гильдия [Greif 1993; Stasavage 2014].

Обобщая сказанное, можно утверждать, что формирование налоговой системы, способствовавшей экономическому росту, в средневековых европейских государствах было связано с развитием ориентированных на торговлю автономных городов. В арабских странах растет платежеспособный спрос на сырье, а поставщики сырья – итальянские города – стимулируют расцвет производства и диверсификацию сырья в странах-производителях. В таком контексте возникает необходимость государственных займов у этих же городов, а параллельно формируется и фискальная практика для выплаты долгов по кредитам. Так итальянские города в долгосрочной перспективе оказываются драйверами налоговой системы, модель которой они первоначально создали у себя для покрытия долгов по затратным военным и торговым операциям.

Какова была роль зарождающейся бюрократии в отношениях между монархами и кредиторами? В целом развитие внутреннего рынка и опора на налоговые сборы, а не на кредиты от иностранных лиц, соответствовали интересам чиновничества. Однако в реальности оно не всегда проводило политику защиты и развития внутреннего рынка. Перед высшими должностными лицами нередко оказывалась дилемма: безоговорочная преданность правителю, какими бы авантюрами ни казались его намерения, или забота о стратегических интересах государства, которые в понимании таких сановников практически полностью совпадали с корпоративными интересами бюрократии.

Если максимально упростить модель этой ситуации и исключить из рассмотрения корыстные мотивы в поведении бюрократов, то факторы, влияющие на предпочтения чиновников, все равно трудно свести к нескольким ключевым переменным. Тем не менее можно предположить, что для государств с отсутствующей или слабо развитой промышленностью, конкурирующих с государствами с сопоставимым военным потенциалом, более вероятно принятие чиновничеством варианта внешнего долга с расчетом на успех финансируемой за счет такого ресурса военной кампании. В средневековой Европе к таким странам можно отнести крупные “аграрные” монархии с отсутствующими или слабыми органами сословного представительства, в частности Испанию. Хотя этот выбор и не был неизбежным, в краткосрочной перспективе он мог быть оправдан. Но при влиятельности феодальной аристократии, заинтересованной в дополнительных доходах от военных кампаний, и при отсутствии компетентной в финансовых вопросах бюрократии государство чаще всего попадало в ловушку хронической задолженности. Это влекло за собой все большее отставание национальной промышленности. Напомню, что генуэзские кредиторы испанской короны в качестве расчета по долгам получали налоговые льготы для разнообразных товаров и монополию на откуп налогов, благодаря чему Генуя фактически контролировала к XVII в. значительную часть экономики Испании и ее колоний [Drelichman, Voth 2014].

Действовала ли испанская бюрократия недальновидно в условиях нарастания задолженности иностранным кредиторам? Или ее свободу маневра ограничивали более жесткие по сравнению с бюрократиями других европейских стран рамки политического устройства? Несмотря на впечатляющие военные успехи Испанская империя даже в период расцвета была сравнительно слабо централизованной и неоднородной державой. Даже не учитывая американские колонии, владения испанских монархов состояли из более

или менее независимых от Кастилии и Арагона, составлявших “ядро” империи, территорий со своими элитами и сформировавшимися системами управления. Противоречия между входившими в состав державы регионами на первых порах сглаживались беспрецедентным притоком драгоценных металлов из Америки, специй и предметов роскоши из Азии. Это позволяло Мадриду не задумываться о рефинансировании кредитов и вести многолетние войны в разных частях Европы, часто с несколькими противниками одновременно. Для удержания своего господства испанским королям в таких условиях было достаточно обеспечивать лояльность элит, гарантируя им долю в доходах от колониальной торговли, без необходимости вкладывать средства в унификацию структур местного управления и перестройку налоговой системы. Когда же в 30-х гг. XVII в. после серии неудач в Тридцатилетней войне такая потребность возникла, было уже поздно – территории оказали яростное сопротивление попытке центральной власти обложить их высокими поборами.

Пример Испании показывает, что тезис Тилли о положительном влиянии внешних конфликтов на укрепление государства, даже если ограничить это утверждение только европейскими странами, требует корректировки [Stasavage 2016^a]. Спираль насилия и задолженности оборачивалась западней, в которую попадало государство, обладающее постоянным доступом к большим объемам кредитования, и рано или поздно подрывала его дееспособность. Несомненно, политический и экономический кризис Испании в XVII–XVIII вв. был обусловлен многими факторами. Историки так и не пришли к единому мнению, какой из них оказался решающим, во многом и потому, что в значительной мере эти факторы взаимосвязаны. Так, восстание Комунерос 1520–1522 гг., подавление которого ограничило конкурентоспособность кастильских городов, было вызвано в числе прочего необходимостью увеличения налогов для расчета по долгам Карла V. Но обращает на себя внимание тот факт, что два основных конкурента Испании – Англия и Франция — к XVII в. меньше зависели от внешних долгов и перешли на более эффективную и централизованную фискальную систему [Johnson, Koyama 2014]. Основная причина этого перехода была не в дальновидности монархов, а в том, что доступ английских и французских королей к внешним источникам финансирования оказался затруднен [Stasavage 2007, pp. 502, 504] и им приходилось все в большей степени полагаться на внутреннее финансирование. В отличие от Испании и Португалии у этих стран не было колоний с богатыми природными ресурсами. Меркантилизм и политика таможенной защиты национальной промышленности, характерная для Англии и Франции, – следствие их поиска надежных источников бюджетных поступлений в условиях военной конфронтации с мощным противником¹. При этом следует подчеркнуть и существенное различие в “стартовых условиях” [Nunn, Trefler 2014] Англии и Франции, с одной стороны, и Испании – с другой. Речь идет о наличии к XV в. развитых торговых и промышленных организаций, заинтересованных в вытеснении зарубежных конкурентов и получении государственных заказов.

В этой связи показателен пример еще одной страны, изначально зависевшей от внешних кредитов, но сумевшей перейти к преимущественно налоговому финансированию бюджетных расходов, хотя и не обладавшей благоприятными для экономического развития стартовыми условиями. Это Швеция. Начиная с XVI в. (Ливонская война) и до конца XVIII в. шведские монархи участвовали в крупных европейских военных конфликтах и строили империю. Основным кредитором шведской короны на раннем периоде экспансии были немецкие и голландские купцы и банкиры. Швеция как протестантская страна с богатыми залежами железной руды стала стратегически важным союзником в борь-

¹ Первые элементы протекционистской политики во Франции появились еще в Средневековье. Так, в 1470 г. Людовик XI пригласил в Тур итальянских и греческих мастеров шелкоткачества, чтобы создать в стране конкурентоспособную шелкопрядельную промышленность [Kazhdan 1995, p. 4].

бе Голландии с католической Испанией. Голландские предприниматели не только давали ссуды шведским правителям, но и помогали им в организации сталелитейной промышленности и выступали основными агентами перевозки и сбыта шведской руды, необходимой для производства оружия, военного снаряжения, а также иных металлических изделий. Ключевой технологической инновацией, способствовавшей военным успехам голландцев, стало внедрение и усовершенствование доменной печи. Хотя кредитование и торговля шведской продукцией были более выгодны голландскому бизнесу, они позволили посредством налоговых льгот и привилегий заложить основы шведской горнодобывающей и тяжелой промышленности [Müller 2005]. Военные нужды европейских государств побуждали их правительства делать крупные заказы для армии, что, в свою очередь, стимулировало развитие массового производства в кустарной промышленности [Кулишер 2004, с. 129]. Важную роль в этом процессе протоиндустриализации играла политика привлечения квалифицированных иностранных предпринимателей в Швецию на постоянное проживание. Таким образом, ссудный капитал шел не только на закупку иностранного вооружения и оснащения армии, но и на инвестицию в национальную промышленность.

Пожалуй, наиболее важной с точки зрения перехода к внутреннему финансированию бюджета протекционистской мерой шведского государства было целенаправленное вытеснение иностранных посредников из сферы перевозки экспортной продукции путем поддержки шведских судовладельцев, установление контроля за стратегическим Зундским проливом (1658 г.) и ограничение доставки грузов на иностранных судах в шведские порты. Ужесточение протекционистской политики вызвало сопротивление голландцев, пытавшихся, в том числе военными средствами, принудить шведских монархов отказаться от умаления роли иностранных торговых посредников. Успеха это давление не имело во многом благодаря коалиции Швеции с Англией, извечным торговым соперникам Голландии [Müller 2005, р. 72]. Несмотря на то что первоначально голландские политики и предприниматели относились к Швеции как к потенциальной колонии, в результате решительных действий правительства по защите национальной торговли и промышленности это государство смогло еще на раннем этапе экономического развития практически освободиться от бремени внешних долгов.

Как известно, шведская меркантилистская политика достигла своего пика в “эру свобод”, когда после смерти Карла XII, втянувшего страну в продолжительную войну, в Швеции на несколько десятилетий установился парламентский строй. Пользуясь поддержкой местных предпринимателей, канцлер А. Горн последовательно проводил курс на поощрение национальной промышленности и торгового флота. Важный этап шведского протекционизма – введение запрета на доставку товаров третьих стран иностранными судами (“Акт о товарах” 1724 г., составленный по образцу английских Навигационных актов). Правительству Горна в итоге удалось добиться положительного торгового баланса [Magnusson 2000, р. 62] и привлечь частные инвестиции в промышленные компании, наиболее успешными из которых были ткацкие мануфактуры Й. Альстремера. Пример Швеции подтверждает гипотезу, согласно которой усиление представительных институтов приводит к более эффективной бюджетной политике² и содействию инновационной промышленности [Besley, Presson 2013].

Сравнительный анализ развития Испании и Швеции позволяет провести параллели с экономическим развитием стран третьего мира в XX–XXI вв. Такое сопоставление помогает понять ряд парадоксов современной экономики, например щедрые государственные инвестиции в страны с плохим кредитным рейтингом. Страны, обладающие богатыми запасами стратегически важных природных ресурсов или располагающиеся в ключевых

² В Великобритании налоги в XVIII в. выросли и были выше, чем во Франции (см. [La Porta, Lopez-de-Silanes, Shleifer, Vishny 1999; Brewer 1989]).

для перевозки этих ресурсов районах, но не обладающие достаточными финансовыми и техническими возможностями для добычи, переработки и транспортировки собственного сырья, оказываются зависимыми от внешних кредитов и инвестиций. Хотя иностранным инвестициям традиционно приписывают положительный эффект для национального экономического развития, следует отметить, что оборотной стороной подобных “вливаний” может стать политическая зависимость получателя помощи от государств-доноров. Так как государство-акцептор часто имеет неидеальную кредитную репутацию, кредиторы (богатые страны) при необходимости могут использовать политические или даже военные методы воздействия.

* * *

В поисках фундаментальных факторов возникновения в западноевропейских странах эффективной системы государственного управления и институтов, способствующих устойчивому экономическому росту, историки экономики постепенно смещают фокус внимания с роли военной конкуренции, отличавшей Европу от централизованного Китая, на то, что позволяло странам вести войны несмотря на постоянно возрастающие военные расходы, – систему государственных финансов. При этом ряд исследователей подчеркивают значение долгосрочных кредитов как основного стимула повышения фискальной дееспособности и создания отлаженного и надежного механизма сбора налогов, примером чего может служить налоговая система Республики Соединенных провинций [Fritschy 2017, p. 7]. Впечатляющая история подъема прижатых к морю городов и областей, бросивших вызов могущественной в военном отношении, но зависевшей от краткосрочных иностранных кредитов Испанской империи, рассматривается рядом авторов как аргумент в пользу тезиса о связи между эффективной налоговой системой, дальновидной экономической политикой и кредитоспособностью государства [Stasavage 2016^b].

В интенсивной дискуссии о централизации и росте дееспособности государства в Раннее Новое время также подчеркивается значение двух обстоятельств, тормозящих развитие качественной налоговой системы и государственного управления в целом: значительная доля сырьевой ренты в доходах государства и сравнительно слабый парламентский контроль. В публикациях, в частности, отмечается, что залогом эффективной налоговой политики служит “фискальный договор” – сочетание сильного парламентского контроля над исполнительной властью и значительного государственного долга, для выплаты которого необходимы налоги [Dincecco, Wang 2018; Drelichman, Voth 2014]. Влиятельный парламент, представляющий интересы торгово-промышленной элиты, обладает достаточной переговорной силой, чтобы добиваться от правительств выполнения обязательств, данных налогоплательщикам, и следить за расходованием бюджетных средств, в том числе в сфере внешнеэкономической политики. Отмечается и ключевой фактор активной роли парламента в экономической политике – способность города защищать собственную автономию и отстаивать свои привилегии в конфликтах с центральной властью. В этой связи особого внимания, на мой взгляд, заслуживает развитие итальянских городов-республик, впервые внедривших практику займов у собственных граждан, осуществляя выплаты по таким долгам из налогов. Начиная с XIII в. они располагали долгосрочными кредитами как важным источником пополнения бюджета. В контексте теории экономического развития пример итальянских автономных городов демонстрирует значение сильного парламента для качественного государственного управления и продуманной экономической политики, выстроенной с учетом интересов коммерсантов и кредиторов государства.

Пример итальянских городов-государств важен и для понимания причин ускоренного развития Западной Европы, которое началось с XVI в. Города-государства стали

не только экспортерами новых практик в деловой жизни и государственном управлении, но и драйверами фискальной централизации в территориальных государствах. Освобождение от зависимости, связанной с иностранными кредитами, было важным стимулом развития собственной налоговой системы, а это способствовало более активной политической и экономической роли городов и поддержке национальной промышленности.

Европейская история показывает, что даже до индустриализации практически ни одно крупное государство не могло обойтись без долгов. Государственный долг являлся необходимым элементом в цепочке причин, способствовавших переходу от аграрной экономики к индустриальной, становлению институтов и инфраструктуры, благоприятных для экономического развития. Как следует из новых исследований по экономической истории, тем европейским странам, которым удалось выбраться из “долговой ловушки”, в значительной мере помогли три фактора: военная экспансия, мощный бюрократический аппарат и автономные города, стимулировавшие формирование институтов политического представительства. Одна из задач современной теории экономического развития, старающейся учитывать результаты новых исследований в экономической истории и смежных дисциплин, – предложить возможные сценарии эффективного использования внешнего займа для структурной трансформации экономики государств “догоняющего развития” в нынешних условиях, когда перечисленные выше факторы отсутствуют.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кулишер И. (2004) История экономического быта Западной Европы. Т. 2. Челябинск: Социум.
- Abulafia D. (2011) *The Great Sea: A Human History of the Mediterranean*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. (2005) *The Rise of Europe: Atlantic Trade, Institutional Change, and Economic Growth* // *American Economic Review*. Vol. 95. No. 3. Pp. 546–579.
- Besley T., Persson T. (2013) *Taxation and Development* // Auerbach A., Chetty R., Feldstein M., Saez E. (eds.) *Handbook of Public Economics*. Amsterdam: Elsevier. Pp. 51–110.
- Brewer J. (1989) *The Sinews of Power: War, Money and the English State, 1688–1785*. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press.
- Dincecco M., Katz G. (2016) *State Capacity and Long-Run Economic Performance* // *Economic Journal*. Vol. 126. No. 1. Pp. 189–218.
- Dincecco M., Wang Y. (2018) *Violent Conflict and Political Development in the Long Run: China versus Europe* // *Annual Review of Political Science*. Vol. 21. No. 1. Pp. 341–358.
- Dixit A. (2010) *Democracy, Autocracy and Bureaucracy* // *Journal of Globalization and Development*. Vol. 1. No. 1. Pp. 1–45.
- Drelichman M., Voth H.-J. (2014) *Lending to the Borrower from Hell. Debt, Taxes, and Default in the Age of Philip II*. Princeton; Oxford: Princeton Univ. Press.
- Ertman T. (2005) *Building States – Inherently a Long-Term Process? An Argument from Comparative History* // Lange M., Rueschemeyer D. (eds.) *States and Development: Historical Antecedents of Stagnation and Advance*. London: Palgrave MacMillan. Pp. 165–182.
- Fritschy W. (2017) *Public Finance of the Dutch Republic in Comparative Perspective. The Viability of an Early Modern Federal State (1570s–1795)*. Leiden: Brill.
- Greif A. (1993) *Contract Enforceability and Economic Institutions in Early Trade: The Maghribi Traders' Coalition* // *American Economic Review*. Vol. 83. No. 3. Pp. 525–548.
- Johnson N., Koyama M. (2014) *Tax Farming and the Origins of State Capacity in England and France* // *Explorations in Economic History*. Vol. 51. Pp. 1–20.
- Kazhdan A. (1995) *The Italian and Late Byzantine City* // *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 49. Pp. 1–22.
- La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. (1999) *The Quality of Government* // *The Journal of Law, Economics, and Organization*. Vol. 15. No. 1. Pp. 222–279.
- Magnusson L. (2000) *An Economic History of Sweden*. London: Routledge.
- Müller L. (2005) *The Dutch Entrepreneurial Networks and Sweden in the Age of Greatness* // Brand H. (ed.) *Trade, Diplomacy and Cultural Exchange. Continuity and Change in the North Sea Area and the Baltic, c. 1350–1750*. Hilversum: Uitg. Verloren. Pp. 58–74.

- North D., Weingast B. (1989) Constitution and Commitment: the Evolution of Institutions Governing Public Choice in Seventeenth-Century England // *Journal of Economic History*. Vol. 49. Pp. 803–832.
- Nunn N., Treffer D. (2014) Domestic Institutions as a Source of a Comparative Advantage // Gopinath G., Helpman E., Rogoff K. (eds.) *Handbook of International Economics*. Vol. 4. Amsterdam: Elsevier. Pp. 263–315.
- Sng T.-H., Moriguchi C. (2014) Asia's Little Divergence: State Capacity in China and Japan Before 1850 // *Journal of Economic Growth*. Vol. 19. No. 4. Pp. 439–470.
- Stasavage D. (2007) Cities, Constitutions, and Sovereign Borrowing in Europe, 1274–1785 // *International Organization*. Vol. 61. No. 3. Pp. 489–525.
- Stasavage D. (2016*) Representation and Consent: Why They Arose in Europe and Not Elsewhere // *Annual Review of Political Science*. Vol. 19. Pp. 145–162.
- Stasavage D. (2011) *States of Credit. Size, Power, and the Development of European Politics*. Princeton: Princeton Univ. Press.
- Stasavage D. (2014) Was Weber Right? The Role of Urban Autonomy in Europe's Rise // *American Political Science Review*. Vol. 108. No. 2. Pp. 337–354.
- Stasavage D. (2016^b) What We Can Learn From the Early History of Sovereign Debt // *Explorations in Economic History*. Vol. 59. No. 1. Pp. 1–16.
- van Zanden J. L. (2001) Early Modern Economic Growth: A Survey of the European Economy, 1500–1800 // Prak M. (ed.) *Early Modern Capitalism: Economic and Social Change in Europe, 1400–1800*. London: Routledge. Pp. 69–87.
- van Zanden J. L., Prak M. (2009) *The Long Road to the Industrial Revolution. The European Economy in a Global Perspective, 1000–1800*. Leiden: Brill.
- Wickham C. (2016) *Medieval Europe*. New Haven: Yale Univ. Press.

REFERENCES

- Abulafia D. (2011) *The Great Sea: A Human History of the Mediterranean*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. (2005) The Rise of Europe: Atlantic Trade, Institutional Change, and Economic Growth. *American Economic Review*, vol. 95, no. 3, pp. 546–579.
- Besley T., Persson T. (2013) Taxation and Development. *Handbook of Public Economics*. Auerbach A., Chetty R., Feldstein M., Saez E. (eds.). Amsterdam: Elsevier, pp. 51–110.
- Brewer J. (1989) *The Sinews of Power: War, Money and the English State, 1688–1785*. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press.
- Dincecco M., Katz G. (2016) State Capacity and Long-Run Economic Performance. *Economic Journal*, vol. 126, no. 1, pp. 189–218.
- Dincecco M., Wang Y. (2018) Violent Conflict and Political Development in the Long Run: China versus Europe. *Annual Review of Political Science*, vol. 21, no. 1, pp. 341–358.
- Dixit A. (2010) Democracy, Autocracy and Bureaucracy. *Journal of Globalization and Development*, vol. 1, no. 1, pp. 1–45.
- Drelichman M., Voth H.-J. (2014) *Lending to the Borrower from Hell. Debt, Taxes, and Default in the Age of Philip II*. Princeton; Oxford: Princeton Univ. Press.
- Ertman T. (2005) Building States – Inherently a Long-Term Process? An Argument from Comparative History. *States and Development: Historical Antecedents of Stagnation and Advance*. Lange M., Rueschemeyer D. (eds.). London: Palgrave MacMillan, pp. 165–182.
- Fritschy W. (2017) *Public Finance of the Dutch Republic in Comparative Perspective. The Viability of an Early Modern Federal State (1570s–1795)*. Leiden: Brill.
- Greif A. (1993) Contract Enforceability and Economic Institutions in Early Trade: The Maghribi Traders' Coalition. *American Economic Review*, vol. 83, no. 3, pp. 525–548.
- Johnson N., Koyama M. (2014) Tax farming and the origins of state capacity in England and France. *Explorations in Economic History*, vol. 51, pp. 1–20.
- Kazhdan A. (1995) The Italian and Late Byzantine City. *Dumbarton Oaks Papers*, vol. 49, pp. 1–22.
- Kulisher I. (2004) *Istoriya ekonomicheskogo byta Zapadnoy Evropy. T. 2*. [History of economic life in Western Europe vol. 2]. Chelyabinsk: Sotsium.
- La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. (1999) The quality of government. *The Journal of Law, Economics, and Organization*, vol. 15, no. 1, pp. 222–279.

Рента, налоги и политическая партиципация: долгосрочные эффекты городской...

- Magnusson L. (2000) *An Economic History of Sweden*. London: Routledge.
- Müller L. (2005) The Dutch Entrepreneurial Networks and Sweden in the Age of Greatness. *Trade, Diplomacy and Cultural Exchange. Continuity and Change in the North Sea Area and the Baltic, c. 1350–1750*. Brand H. (ed.). Hilversum: Uitg. Verloren, pp. 58–74.
- North D., Weingast B. (1989) Constitution and Commitment: the Evolution of Institutions Governing Public Choice in Seventeenth-Century England. *Journal of Economic History*, vol. 49, pp. 803–832.
- Nunn N., Trefler D. (2014) Domestic Institutions as a Source of a Comparative Advantage. *Handbook of International Economics*, Gopinath G., Helpman E., Rogoff K. (eds.), vol. 4. Amsterdam: Elsevier, pp. 263–315.
- Sng T.-H., Moriguchi C. (2014) Asia's Little Divergence: State Capacity in China and Japan Before 1850. *Journal of Economic Growth*, vol. 19, no. 4, pp. 439–470.
- Stasavage D. (2007) Cities, Constitutions, and Sovereign Borrowing in Europe, 1274–1785. *International Organization*, vol. 61, no. 3, pp. 489–525.
- Stasavage D. (2016^a) Representation and consent: why they arose in Europe and not elsewhere. *Annual Review of Political Science*, vol. 19, pp. 145–162.
- Stasavage D. (2011) *States of Credit. Size, Power, and the Development of European Polities*. Princeton: Princeton Univ. Press.
- Stasavage D. (2014) Was Weber Right? The Role of Urban Autonomy in Europe's Rise. *American Political Science Review*, vol. 108, no. 2, pp. 337–354.
- Stasavage D. (2016^b) What we can learn from the early history of sovereign debt. *Explorations in Economic History*, vol. 59, no. 1, pp. 1–16.
- van Zanden J. L. (2001) Early Modern Economic Growth: A Survey of the European Economy, 1500–1800. *Early Modern Capitalism: Economic and Social Change in Europe, 1400–1800*. Prak M. (ed.). London: Routledge, pp. 69–87.
- van Zanden J. L., Prak M. (2009) *The Long Road to the Industrial Revolution. The European Economy in a Global Perspective, 1000–1800*. Leiden: Brill.
- Wickham C. (2016) *Medieval Europe*. New Haven: Yale Univ. Press.